

Он подсознательно последовал за собственным инстинктом и произнес: — Шанлу, я люблю тебя не меньше, чем ты меня, но мы по-разному понимаем любовь.

Сюй Шанлу считал, что любить человека — значит сделать его всем своим миром.

А Лян Цзянь всегда был твердо убежден, что любить — значит вести человека навстречу более широкой и просторной жизни.

Сюй Шанлу поджал губы, в его взгляде читалась некая заброшенность и в то же время понимание.

— Нам обоим нужно остыть, — мягко сказал Лян Цзянь. — Ты еще молод, тебе свойственно впадать в крайности.

— Да, такой я тебя не стою, — пробормотал Сюй Шанлу. — Можешь найти кого-нибудь лучше, уходи от меня. Я боюсь снова причинить тебе боль.

[Уровень благосклонности Цели захвата — 70.] Голос Системы звучал тяжело. [Его самоненависть уже зашла слишком далеко. Если ты не сможешь дать ему чувство безопасности, то чем сильнее он любит тебя, тем больше будет ненавидеть себя.]

Именно поэтому некоторые люди в любви выбирают расставание.

Если он не получает в ответ страсти, то начинает бояться, что его бросят.

Чтобы избежать этого, он решает написать концовку еще до того, как все начнется.

Лян Цзянь замолчал и только собрался заговорить, как вдруг увидел на улице за окном группу телохранителей в черном, которые целенаправленно направлялись к ним.

Сюй Шанлу равнодушно бросил на них взгляд: — За мной.

— Учитель, я не хочу, чтобы они меня поймали, я не хочу домой. — Он через силу изобразил беглую улыбку, словно что-то вспомнив, и вытащил из кармана часы Ролекс.

— С днем рождения...

— Я ухожу.

Цветы нежны, сорвать их трудно

Сюй Шанлу ушел через черный ход.

Лян Цзянь смотрел ему вслед, чувствуя тяжесть на душе и внезапный дискомфорт в желудке.

Лицо Цзянь Инъян побледнело, она виновато произнесла: — Эту... Пожалуйста, поговори с ним еще раз как следует, я верю, что вы сможете помириться. Раньше она даже не думала, что учитель Чжао — гей, но сейчас ей было не до удивления.

В конце концов, роман между двумя мужчинами — это все равно роман.

—... — Лян Цзянь ничего не ответил, отступил назад, опустился на стул и прижал руку к животу. Возможно, он съел что-то не то, но боль в желудке становилась все отчетливее, а на лбу выступили мелкие капли пота.

Теодоровы телохранители толкнули дверь, но Сюй Шанлу внутри не оказалось. Один из них с недоумением посмотрел на Лян Цзяня и хотел уже подойти расспросить, но спутник его остановил.

— Не усердствуй так, молодой господин в конце концов единственный наследник в семье, тебе от ссоры с ним проку не будет.

Телохранители для вида осмотрели помещение и быстро удалились.

Лян Цзянь уткнулся лицом в стол, прижавшись горячей щекой к прохладной стеклянной столешнице, и это освежающее чувство немного уняло душевную смуту.

— Что с тобой? — встревоженно спросила Цзян Инъин. — Тебе нездоровится?

Даже при расставании с возлюбленным нельзя же вот так взять и заболеть!

Лян Цзянь закрыл глаза и через силу улыбнулся: — Я в порядке.

Преодолея себя, он попрощался с Цзян Инъин, поймал такси и напрямик отправился в больницу.

Лян Цзянь принадлежал к числу людей, которые дорожат своей жизнью.

Взяв талон к терапевту, он прошел через весь круг обследований — гастроскопию, УЗИ и прочее, — из-за чего вымотался и душой, и телом.

Однако к радости боль в желудке незаметно исчезла.

На следующий день пришли результаты анализов.

Врач позвал Лян Цзяня в отдельный кабинет и, словно воришка, затворил за ним дверь.

Лян Цзянь ошеломленно спросил: — Что случилось?

Уж не опухоль ли это или рак? Иначе почему у доктора такой серьезный вид?

Врач протянул ему снимки УЗИ.

Лян Цзянь смотрел на них и слушал объяснения доктора: — Сэр, я понимаю, что вам будет трудно принять результаты обследования, но мы обязаны сообщить вам правду.

— Вы беременны.

А, это не опухоль и не рак, ну и славно.

Сгодится? Погодите-ка? Беременен?

Беременен!

— Кхе-кхе! — Лян Цзянь поперхнулся собственной слюной и зашелся в кашле. Он невероятно широко вытаращил глаза и уставился на врача, как на монстра: — Доктор, вы шутите? Я взрослый мужчина, как я могу быть беременным?!

Чем он вообще должен забеременеть?

Врач указал на снимок УЗИ: — Посмотрите, это матка в вашем организме, а вот эта штука, похожая на опухоль — и есть плод.

Выражение его лица тоже было немного странным: — Сначала мы приняли этого малыша за опухоль, но вдруг он шевельнулся... И это до смерти перепугало издававших виды врачей, заставив усомниться в реальности происходящего.

— Попогодите, матка? Вы ничего не путаете, откуда у меня матка? — запинаясь, спросил Лян Цзянь.

Врач выглядел совершенно спокойно и даже улыбнулся: — Вы что, до сих пор не знали, что вы гермафродит?

— Что? — Лян Цзянь резким движением вскочил на ноги, упершись обеими руками в стоявший перед доктором стол, и сверху вниз уставился на него: — Вы считаете меня гермафродитом? Уверены, что это не врачебная ошибка?

Ему казалось, что вся его картина мира рушится на глазах...

Врач вздохнул: — Ваш случай крайне редок, это истинный гермафродитизм. Фенотипически вы мужчина, ничем не отличающийся от нормальных мужчин. Но внутри у вас имеются женские яичники и матка, причем абсолютно функциональные, способные к вынашиванию. Внимательно изучите снимок УЗИ, и тогда все поймете.

Лян Цзянь остолбенел, пошатнулся, сделал пару шагов назад и снова опустился на стул, тупо глядя на врача.

Если то, что говорит доктор, правда, то он...

Забеременел от Сюй Шанлу?

Что за бред!

— На каком он сроке? — сухо спросил Лян Цзянь, в то время как в голове у него была абсолютная пустота.

— Около тридцати недель, малыш очень здоров. — Врач легко улыбнулся, успокаивая его: — Не переживайте. Если вы не хотите этого ребенка, можно сделать аборт, мы считаем этот вариант наиболее надежным.

Аборт...

Лян Цзянь инстинктивно коснулся живота: он был совершенно гладким, без каких-либо бугорков, и никаких движений внутри почувствовать не удавалось.

Там действительно прячется маленький человечек?

Новая маленькая жизнь, созданная им совместно с Сюй Шанлу — как это удивительно.

Лян Цзянь опустил ресницы. Перед глазами возник образ Сюй Шанлу, его сдержанный взгляд, в котором бурлила океанская страсть. Тот прощальный взгляд парня по-прежнему глубоко врезался ему в сердце, и стоило только вспомнить о нем, как накатывало невыразимое волнение.

Лян Цзянь поджал губы, внезапно осознав, что сейчас в его руках сосредоточены судьбы трех человек.

Врач больше ничего не говорил, позволяя ему спокойно переварить эту новость.

— Тогда...

Наконец Лян Цзянь нерешительно произнес: — Если не делать аборт, родить его... это возможно?

Врач с облегчением выдохнул и посмотрел на него с таким страстным научным энтузиазмом, что Лян Цзяню вдруг стало неудобно, словно подопытной мыши в лаборатории, и по спине побежали мурашки.

— Если вы хотите родить ребенка, вам придется делать кесарево сечение. Поскольку ваше физическое состояние слишком уникально, подобных прецедентов в нашей стране еще не было. В процессе подготовки к родам могут возникнуть самые неожиданные ситуации, и все это — сплошная неизвестность.

Спустя мгновение Лян Цзянь снова заговорил. Голос его звучал глухо и чуть подрагивал: — Я умру?

Врач тихо ответил: — Вы должны понимать, что даже в странах с более развитой медициной на каждую тысячу беременных женщин приходится одна, которая умирает при родах.

Более того, при столь уникальной конституции, как у Лян Цзяня, не с чем даже сопоставить прежний опыт.

Это был усеянный шипами путь смерти, и никто не знал, что ждет в конце — ад или новое рождение.

— Больница рекомендует вам отказаться от ребенка и одновременно провести операцию по удалению матки, чтобы полностью стать здоровым и полноценным мужчиной. Однако наши приборы показывают, что ребенок абсолютно здоров, а кесарево сечение не нанесет вам серьезного вреда. Теоретически вынашивание и роды полностью возможны.

Лян Цзянь сжал кулаки так, что короткие ногти впились в ладони.

— Разумеется, мы будем уважать решение вас и вашего партнера.

Лян Цзянь глубоко вздохнул. Его сердце забилось бешено, словно насос, прилив крови ударил прямо в макушку.

В комнате стояла такая тишина, что, казалось, был слышен шорох падающего за окном снега.

Лян Цзянь с трудом выговорил: — Мне нужен этот ребенок.

Тон был решительным и безапелляционным.

Врач изумился до крайности: — Вы что же, даже не посоветуетесь с партнером или семьей?

В подобных обстоятельствах большинство семей предпочли бы спасти взрослого.

Лян Цзянь покачал головой: — Не нужно. Я верю, что мы с ребенком будем в безопасности.

Ладонь мягко погладила живот, и тепло кожи сквозь слои одежды словно передалось внутрь.

Приняв решение, Лян Цзянь чувствовал себя почти обессиленным. Глядя на хлопья кружащегося за окном снега, он ощутил, как в его глазах мерцает какой-то внутренний свет.

[Почему ты не расскажешь Сюй Шанлу?] — спросила Система.

[Он заставит меня сделать аборт. Он не позволит мне рисковать жизнью ради ребенка.] Лян Цзянь закрыл глаза.

[Это значит, что он дорожит тобой, разве это плохо?] — возразила Система.

Лян Цзянь вздохнул, подумав про себя, что Система всё-таки глупышка.

[То, что он слишком дорожит мной — не к добру. Порой чувства — это тяжкое бремя. Я знаю, в чем его уязвимое место: он не получил тепла и заботы от родителей, поэтому видит во мне свое спасение.]

Сюй Шанлу однажды говорил, что у него нет дома.

Хорошо, тогда он подарит ему дом.

[Большинство мужчин, став отцами, взрослеют... Я обязан сохранить этого ребенка.]

Помимо этого, у него была еще одна маленькая тайная причина.

Иногда он бывал так же подвержен страхам и сомнениям, как и Сюй Шанлу.

Выполняя задания в бесконечных пространствах и временах, он давно забыл дорогу, по которой пришел, и уже не видел пути назад.

Если у него появится ребенок, то по крайней мере, бредя в одиночестве, ему будет о ком тревожить душу, и он больше не познает одиночества. Сюй Шанлу не пришёл на занятия.

Мало того, телефон был недоступен, сообщения оставались без ответа. Он словно испарился с лица земли, исчезнув без следа.

Лян Цзянь поначалу недоумевал, думая, что этот парень опять ломает комедию, и не придавал особого значения. Прошло два дня, а Сюй Шанлу всё не объявлялся. Лян Цзянь немного забеспокоился, прокрутил в памяти события того дня в западном ресторане и наконец прозрел.

Твою мать, неужели Сюй Шанлу решил оборвать с ним все связи?

Теперь Лян Цзянь мог с уверенностью сказать, что у Сюй Шанлу железобетонный синдром восьмиклассника, причём в тяжёлой форме.

Исчез, испугавшись, что его собственнический инстинкт окажется слишком сильным и навредит возлюбленному.

Лян Цзяню одновременно хотелось и злиться, и смеяться.

Подумаешь, какая у них между собой проблема — не измена же и не блуд на стороне, так, пустяки.

Его злили детскость и незрелость Сюй Шанлу.

И в то же время эта детскость и незрелость несли в себе особый, ни с чем не сравнимый привкус.

Словно недозрелые фрукты в саду: хрустящая сладость, сменяющая легкую кислинку, — высшее наслаждение, с которым не сравнится никакая спелость.

Трепет в груди, бешено бьющееся сердце и предельная осторожность.

Лян Цзянь облизнул губы.

Вспомнив молодое, крепкое тело Сюй Шанлу, его полное энергии лицо, а также это выражение надменности, смешанное с комплексом неполноценности, он почувствовал, как в нём задиристо зачесались руки.

Если я тебя не укрошу, звать мне не своим именем!

Чу Яна вызвали в кабинет. С бледным от напряжения лицом он смотрел на невозмутимо устроившегося в кресле Лян Цзяня.

— Учитель, я... ничего не нарушал, — с замиранием сердца попытался прощупать почву Чу Ян.

Лян Цзянь улыбнулся: — Не бойся, я просто хочу узнать, где Сюй Шанлу.

По лицу Чу Яна градом покатился холодный пот, он замахал руками: — Я не знаю!

В прошлый раз, когда он сболтнул лишнего о том, что босс отправился в ночной клуб, тот потом знатно его отходил. Больше рисковать и нарываться на неприятности он не смел.

Лян Цзянь не стал давить, он заранее к этому подготовился. Достав из-за стола бумажный пакет, он чуть приподнял подбородок: — Тогда передай ему это, так ведь можно?

Чу Ян машинально кивнул, но тут до него дошло, и его лицо скорчилось в горькую гримасу: — Учитель, с чего вы вообще взяли, что я могу связаться с боссом?!

Лян Цзянь лукаво подмигнул ему: — Не кажется ли тебе, что говорить это уже поздно?

Уже кивнул, а сообразил только теперь?

Чу Ян: «.....» С мрачной тоской он подумал, не пора ли ему обратиться к врачу и проверить голову?

После занятий Лян Цзянь дома сидел на кровати, скрестив ноги: одной рукой он набрасывал сценарий, а в это время с телефона играла Серенада Моцарта — вроде как пренатальное воспитание, в надежде, что этот ребёнок в животе выпьет хоть капельку утончённого музыкального вкуса.

Раздался резкий звонок в дверь.

Лян Цзянь не спеша поднялся.

Гость начал яростно барабанить в дверь.

Про себя Лян Цзянь усмехнулся, но шагал предельно спокойно. Специально выждав немного, пока за дверью не стихло, он наконец повернул замок.

Перед ним предвстало знакомое красивое лицо.

Сюй Шанлу выглядел встревоженным до предела: брови нахмурены так, что казалось, сойдутся на переносице, волосы слегка растрепались, словно их трепал бурный ветер, а на кончиках прядей блестели несколько тающих снежинок.

Он тяжело дышал, грудь вздымалась — судя по всему, взлетал по лестнице бегом, а щеки пылали румянцем.

Увидев Лян Цзяня, Сюй Шанлу явно с облегчением выдохнул, и тугие складки на лбу разгладились.

Лян Цзянь невинным тоном протянул: — Ой, ты чего пришёл? И так спешил...

Он не успел договорить, как Сюй Шанлу резким движением заключил его в объятия, прижавшись курткой к лицу Лян Цзяня и разом выстудив весь принесённый с улицы холод.

Сюй Шанлу обнимал крепко-крепко, едва ли не пытаясь вдавить Лян Цзяня в себя, но в то же время бережно — особенно осторожно он держал руки в районе живота, боясь задеть лишний раз.

Лян Цзянь потёрся щекой о его грудь, уголки его губ тронула насмешливая улыбка, и он позволил ему обнимать себя добрых несколько минут.

Сюй Шанлу сглотнул подступивший к горлу ком, его низкий, хриплый голос звучал так, будто он изо всех сил пытался сдержать эмоции: — Лян Цзянь, не обманывай меня...

— В чём это я тебя обманываю? — лениво хмыкнул Лян Цзянь.

Сюй Шанлу за спиной затворил дверь, немного ослабил хватку, и его взгляд жадно впился в лицо Лян Цзяня.

Лян Цзянь позволил разглядывать себя безо всякого смущения и даже вызывающе улыбнулся в ответ.

Длинные, похожие на опахала ресницы Сюй Шанлу затрепетали. Словно стыдясь своего напора, он отвёл глаза, опуская взгляд на совершенно плоский живот Лян Цзяня, в котором не было и намёка на беременность.

Сюй Шанлу запинаясь спросил: — Это правда? Ты беременен?

Его голос дрожал, напоминая натянутую до предела тетиву лука — казалось, ещё секунда, и она оборвётся.

— Разве тебе не передали все бумаги? Что, не веришь?

Всё, что он велел Чу Яну передать Сюй Шанлу, были подлинные больничные справки.

Сюй Шанлу оперся рукой о стоящую рядом обувную тумбу — ноги едва держали его.

На лице застыла странная смесь из двух совершенно противоположных эмоций: «я так и знал» и «этого не может быть», а черте лица казались окаменевшими.

Лян Цзянь чуть приподнял бровь. Я стану отцом? — пробормотал Сюй Шанлу, словно сам с собой, или, может быть, умоляя Лян Цзяня дать ему точный ответ.

Всё верно. Что бы ты ни думал, я рожу этого ребенка. — Лян Цзянь держался куда спокойнее.

Сюй Шанлу уставился на него, его губы задрожали.

Дикий восторг от мысли о том, что он станет отцом, тут же был смят тревогами суровой реальности.

Низким, хриплым голосом он произнес: Но я переживаю за твое здоровье, я боюсь, что с тобой

что-то случится, я не смею позволять тебе рисковать...

Всё в порядке, пока подготовка к беременности идет как надо, ни со мной, ни с ребенком ничего не случится, — успокоил его Лян Цзянь, слегка изогнув уголки губ. — Разве ты не хочешь ребенка? Ребенка нас двоих.

Ребенка нас двоих...

Сюй Шанлу был глубоко потрясен этими словами. Он посмотрел на Лян Цзяня, его сердце переполнилось всевозможными нежными чувствами, и в этот миг у него возникло непреодолимое желание разрыдаться в голос, благодаря его за готовность принять этого ребенка.

Лян Цзянь хочет родить ему ребенка. Стоило этой мысли появиться в голове, как Сюй Шанлу чуть не лишился чувств от охватившего его волнения.

Он заикаясь произнес: Тогда ты обязательно должен беречь себя... Нет, я буду заботиться о тебе, прямо сейчас найму самых опытных специалистов по уходу за роженицами, а еще диетолога. Точно, когда ты возьмешь отпуск? Или можешь уволиться, в конце концов, тебе не составит труда найти другую работу. Больше всего я боюсь, что ты где-нибудь ударишься или ушибся, а хулиганы в школе еще расстроят тебя. Увольняйся пораньше, я буду содержать тебя.

Не успел Лян Цзянь ответить, как Сюй Шанлу мягко обнял его и осторожно проговорил: Ты устал? Ты простоял у двери так долго, не хочешь прилечь на кровать? Чего тебе хочется поесть, хочешь посмотреть телевизор? Забудь, не смотри телевизор, это вредно для глаз...

Лян Цзянь не знал, плакать ему или смеяться.

Ребенок и впрямь был лучшим катализатором для взросления мужчины.

Прошло всего несколько секунд, а Сюй Шанлу уже показал ему, что такое превращение из мальчика в отца.

Хотя он сам еще был полуребенком, теперь он начал методично и заботливо ухаживать за ним.

Как мог Лян Цзянь лишить его возможности проявить себя?

Он послушно уселся на диван и стал смотреть, как Сюй Шанлу в одиночку перемыл весь дом, приготовил еду, а затем принялся чистить для него яблоко, обращаясь с ним так, будто тот был совершенно беспомощным человеком, неспособным позаботиться о себе.

Что же до прежнего мальчишеского исчезновения Сюй Шанлу, Лян Цзянь даже не упомянул о нем.

В конце концов, тот уже полностью принадлежал ему, так что пусть такие мелкие размолвки останутся в прошлом.

[Уровень благосклонности Цели захвата — 90.]

.....

Ам. — Лян Цзянь приоткрыл рот и прикусил кусочек сушеного яблока, протянутого Сюй Шанлу. Прожевав его, он снова уткнулся в блокнот, продолжая прописывать сценарные завязки.

Сюй Шанлу смотрел на него так, что у него сердце кровью обливалось от жалости.

Но он не смел запретить Лян Цзяню работать, поэтому обиженно присел на корточки в стороне, то и дело украдкой поглядывая на своего возлюбленного.

В его груди жило странное чувство, какого он не испытывал за все свои семнадцать лет.

Тепло.

Сердце словно погрузилось в бочонок с медом, размягчившись до состояния лужицы воды.

И всё же ощущение нереальности было столь сильным, что ему приходилось ежесекундно смотреть на безмятежное лицо Лян Цзяня, чтобы обрести хоть малейшее утешение.

Если это сон, пожалуйста, не просыпайся.

Если это не сон...

Глаза Сюй Шанлу невольно наполнились слезами.

Обретя такую драгоценную супругу, о чем еще можно желать мужчине?

Сюй Шанлу просто-напросто переехал жить к Лян Цзяню. Лян Цзянь считал, что срок беременности еще мал и брать отпуск не нужно, поэтому продолжил вести занятия. Днем они вместе ходили в школу, а после уроков вместе возвращались домой. Лян Цзянь сосредоточенно писал рукопись, а Сюй Шанлу, закончив свои уроки, принимался за домашние дела.

Лян Цзянь, сокровище моё, эту твою вещь нужно постирать? — Сюй Шанлу шлепая тапочками выплыл из спальни, держа в руке кофту.

Лян Цзянь сидел на диване, скрестив ноги, к нему как раз пришло вдохновение, и он быстро стучал по клавиатуре, лишь подняв голову и бросив мимолетный взгляд: Я надевал ее два дня.

Тогда постираю. — Сюй Шанлу опустил вещь в таз. Такое нательное белье он обычно стирал руками.

Этот избалованный молодой господин, который раньше и палец о палец не ударял, теперь не только без тени смущения готовил, мыл полы и стирал, но даже стирал трусы Лян Цзяня, не меняясь в лице. Надо полагать, в будущем из него получится отличный мастер по смене детских подгузников.

Поначалу они наняли домработницу, однако Сюй Шанлу придрался к тому, что та плохо готовит. Вдобавок, однажды заметив, как красивая и чистая молоденькая горничная о чем-то весело щебечет с Лян Цзянем, он покрылся холодным потом и тут же нашел предлог, чтобы выпроводить домработницу вон.

Он предпочитал немного устать сам, чем вырастить зеленые травинки на собственной макушке.

Лян Цзянь достучал последний иероглиф, сохранил документ и потянулся.

Сюй Шанлу хлопотал на кухне, готовя ему ночной перекус.

Лян Цзянь посмотрел на его спину в фартуке и на мгновение погрузился в задумчивость.

Он никогда бы не подумал, что Сюй Шанлу может быть настолько хозяйственным.

<http://bllate.org/book/21563/2220094>